

Баранов А.В.
**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
НА ЮГЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

Тема статьи обладает актуальностью с точки зрения осмысления впервые вводимых в научный оборот источников, для выбора территориальных принципов устройства Российского государства.

Цель статьи – осмыслить новые источники о реализации советской национальной политики (1920–1924 гг.) на Юге России. Под регионом подразумеваются автономии, Донская, Кубано-Черноморская и Терская области, Ставропольская губерния. Термин «Юго-Восток России», принятый до середины 1924 г., и «Юг России» – синонимы.

В последние годы создаются взвешенные исследования, авторы которых исходят из приоритетов государственной интеграции и равноправия народов [1; 6; 11]. Но необходимо качественное приращение источников. Мы вовлекаем в оборот протоколы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) за 1921–1924 гг., Экономического совета Юго-Востока России, доклады и записки политических деятелей (А.А. Пономарёва, В.Н. Хромина).

Важнейшим вопросом стало создание автономий и урегулирование споров. 13 ноября 1920 г. чрезвычайный съезд Советов Дагестана провозгласил создание Дагестанской АССР. 17 ноября 1920 г. съезд народов Терека объявил о создании Горской АССР. Решения узаконены 20 января 1921 г. ВЦИК Советов РСФСР. Автономии Северного Кавказа рассматривались как плацдарм мировой революции на Востоке. Напротив, казачество объявлено орудием «русского империализма» [10, с. 282–291; 8, с. 311], что сделало неизбежной передачу Хасавюртовского и Кизлярского округов, земель сунженских казаков автономным областям.

В данном аспекте важен доклад полномочного представителя Народного комиссариата земледелия РСФСР на Кавказе А.А. Пономарёва наркому земледелия С.П. Серее от 7 сентября 1920 г. Он описывает состояние органов власти с мая по август 1920 г. Утверждённого центральной властью положения о Северо-Кавказском ревкоме не было. Вся работа велась тремя его членами, а с отъездом Г.К. Орджоникидзе в Москву работа затруднилась. Пономарёв описывает кризис власти, «комиссаро-родержавие» и забвение интересов крестьянства. На совещании о землеустройстве 28 мая член ревкома С.И. Габиев подчёркивал, что «Советская власть на Северном Кавказе может опираться только на горцев» [4, л. 46–47, 51 об.], землеустройство должно проводиться за счёт казачества вплоть до выселения станиц. Этот курс основан на телеграмме Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину 2 апреля 1920 г., в которой предлагалось разрешить вопрос о земле за неделю. Но делопроизводства по землеустройству горцев ревком не вёл, члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) слабо разбирались в сельском хозяйстве. Поэтому выступление А.А. Пономарёва с противоположной точкой зрения об «уступчивой политике центра в отношении окраинных крестьян и казаков» вызвало бурю негодования [4, л. 46об – 47]. Пономарёв завершал доклад выводом: «Близоруко и негосударственно, утопично думать, что достаточно путём подачек привлечь к себе какую-либо общественную группу окраинного населения». Такой метод означает длительную гражданскую войну [4, л. 57]. Предложения А.А. Пономарёва, как и других умеренных большевиков, отвергнуты Кавбюро ЦК РКП(б) и Революционным советом трудовой армии Юго-Востока России.

Радикальный курс привёл к мятежу терского казачества в октябре 1920 г. и, как следствие, к депортации жителей Сунженской линии, передаче их земель и инвентаря горцам [5, с. 85–103]. Позже императив выселения русских из автономий и, шире, возмещения коллективной «исторической вины» за политику самодержавия будет звучать во взаимоотношениях между Горской АССР и областями Юго-Востока России. Карачаевская автономная область требовала передать ей г. Кисловодск, Кабардино-Балкарская – г. Пятигорск, Чеченская – г. Грозный, Северная Осетия и Ингушетия соперничали за обладание г. Владикавказом. Во всех городах преобладало славянское население.

В декабре 1920 г. ряд работников краевого Статистико-экономического бюро (Ф.Н. Литинский, В.Н. Смирнский и др.) предлагал провести районирование Северного Кавказа «по принципу экономической целесообразности», создав комиссию по изменению границ между административными единицами. В состав комиссии предлагали включить представителей Ревсовтударма, наркоматов продовольствия и земледелия, уполномоченного ЦСУ, профсоюзного центра. Прозвучала идея создать Казачью (Пятигорскую) область [4, л. 229].

Вследствие образования СССР перед системой власти встали задачи переустройства административно-территориального деления. Решать задачи предлагалось на основе рационального размещения и планового развития производительных сил, экономического тяготения местностей [7, с. 43–100]. Этнический фактор районирования отходил по мере развития НЭПа на второй план. XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) постановил провести районирование страны, создав укрупнённые края и области. 11 мая 1923 г. Экономический совет Юго-Востока России образовал краевую комиссию по районированию под руководством Г.Н. Гурари с участием В.Н. Хромина, А.С. Аксамитного, Орлова и Алексеева.

Комиссия должна была предоставить в Госплан РСФСР обоснование экономического профиля края, его разбивки на округа и структуры административных единиц (округов, разделённых на районы). Утвердить новую административно-территориальную сеть предполагалось на сессии ВЦИК РСФСР в июле 1923 г. [3, л. 58 – 58об]. Комиссия по районированию Юго-Востока России на первом же заседании определила направления работы, в том числе – определение взаимоотношений русских областей с автономными республиками и областями (от экономически неэффективной Горской АССР отделились Карачай, Кабардино-Балкария, Чечня в статусе автономных областей). Комиссия планировала изучить конституции Горской и Дагестанской АССР, изучить районирование автономий, выработать проект создания национальных округов и их взаимоотношений с русскими областями [3, л. 59 – 59об].

Представляет интерес «Договор о правах областного (краевого) исполнительного комитета и национальных республик и областей Юго-Востока и об их взаимоотношениях», подготовленный краевой комиссией к середине августа 1923 г. Целями заключения договора в преамбуле документа объявлялись согласование интересов Юго-Восточной области и национальных объединений, гарантии прав и преимуществ этих объединений» [3, л. 89 – 91об]. Сторонами подписания договора указывались областной исполком, Горская и Дагестанская АССР, Адыгее-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская и Чеченская АО.

В договоре детально перечислялись исключительные предметы ведения Юго-Восточного облисполкома, а также исключительные предметы ведения национальных объединений (АССР и АО). В том числе, Юго-Восточная область (ЮВО) решала все споры между автономными республиками, автономными областями и русскими областями. Для согласования интересов ЮВО и автономий предлагалось создать Национальный Совет по делам национальных республик и областей при облисполкоме. Его состав формировался бы по квоте: по 3 делегата от облисполкома, Дагестанской и Горской АССР, по 1 – от каждой АО. Председатель Национального Совета мог назначаться из его состава Президиумом Юго-Восточного облисполкома; такое должностное лицо входило бы в состав Президиума облисполкома. Предлагался следующий порядок принятия решений: облисполком передаёт важнейшие директивы автономным образованиям через Национальный Совет или уведомляет последний о решениях вышестоящих инстанций. По текущим вопросам сношения облисполкома с автономиями идут непосредственно. В случае несогласия органов власти автономий с решениями облисполкома возможно обжалование таковых решений в Президиуме ВЦИК РСФСР и приостановка действия областных решений под судебную ответственность исполкомов автономий.

Данный документ отразил максимум прав автономий в рамках раннего советского федерализма, сделав АССР и АО субъектами федеративных отношений на договорной основе. Но договор не был принят и не вступил в действие, поскольку области и автономии Юго-Востока России выдвинули взаимоисключающие проекты территориальной реформы. Так, Дагестанская АССР намеревалась выйти из состава РСФСР и вступить в Закавказскую СФСР, а когда это стало нереальным, добилась сохранения своего прямого подчинения всероссийским органам власти. Горская АССР весной 1924 г. распалась и была ликвидирована к сентябрю 1924 г. Её бывшие части стали автономными областями в составе Юго-Восточной области, вскоре переименованной в Северо-Кавказский край.

Члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) одобрили 4 июня 1923 г. проект краевой плановой комиссии, который активно отстаивал заместитель председателя Крайэкономсовета В.Н. Хронин [12, л. 64]. Договорный порядок вхождения автономий в состав края был заменён на решения партийных и советских органов. АССР и АО получили квоту представительства в крайисполкоме в соответствии с «Положением о Юго-Востоке России», принятого ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г. и утверждённого Госпланом РСФСР 10 июня 1924 г. [2, с. 17]. Автономии не добились и права обжаловать решения краевого уровня власти в Президиуме ВЦИК. Границы национальных образований пересмотрены в соответствии с составом населения. Образованы Владикавказский и Грозненский округа в прямом подчинении краю, что вывело русское большинство их населения из-под контроля автономий.

Национальный Совет при крайисполкоме Советов был создан в 1925 г., но с качественно более узкими функциями, чем в проекте 1923 г. Национальный Совет решал теперь только вопросы развития этнической культуры: ликвидации неграмотности, развития национальной письменности и системы просвещения, социального обеспечения.

Итак, впервые вводимые в научный оборот источники доказывают, что органы власти Юга России постепенно отказывались от радикального расширения прав автономий, проведённого в 1920–1921 гг. Крайности этнизированного федерализма при территориальной реформе 1924 г. были заменены на более сбалансированную модель взаимоотношений макрорегиона (Юго-Восточной области, позже – Северо-Кавказского края) с вошедшими в его состав автономными областями.

1. Аманжолова, Д. А. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2021. – 576 с.
2. Весь Северный Кавказ (справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края) / под ред. А. Овчарова. – Ростов н/Д : Севкавказ, 1931. – 348 с.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 79. Л. 58–59 об., 89–91 об.
4. ГАРО. – Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 46–47, 51 об., 57, 229.
5. Жуликова, Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. / Е. Ф. Жуликова. – М. : Новый хронограф, 2016. – 424 с.
6. Карпов, Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2017. – 400 с.
7. Круглов, В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты / В. Н. Круглов. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.
8. Ленин, В. И. Agrарная программа русской социал-демократии / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 6. – С. 303–348.
9. Положение СНК о Революционном совете Трудовой армии Юго-Востока России // Декреты Советской власти. Т. X. Август – сентябрь 1920 г. – М. : Политиздат, 1980. – С. 343–344.
10. Сталин, И. В. К военному положению на Юге / И. В. Сталин // Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. 4. – С. 282–291.
11. Хлынина, Т. П. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 290.

Филимонов А.В.

ДОКУМЕНТЫ ГУБЕРНСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ РКП(б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-Х ГГ.)

Ведущая роль, которую занимала в жизни советской страны Коммунистическая партия, ставшая в 1917 г. правящей, обусловила большое значение ее документов, как исторического источника: практически ни один вопрос послереволюционной истории страны невозможно изучать без глубокого и всестороннего их анализа. Партийные документы и материалы весьма многообразны по своему происхождению, содержанию, значимости и формам, хотя все организации действовали в соответствии с единым для партии Уставом. В структуре Коммунистической партии важная роль принадлежала местным партийным организациям, распространявшим свое влияние на соответствующие регионы (в 1920-е гг. – на губернии), поэтому их документы имеют огромное значение, прежде всего, для изучения истории отдельных местностей. Вместе с тем, из опыта мест складывалась единая история страны, а деятельность губернских организаций РКП(б) отражала общероссийские закономерности.

Одним из «отрядов» РКП(б) являлась Псковская губернская организация, выросшая из созданной еще в 1900 г. В. И. Лениным «искровской» группы, но прекратившая существование с окончанием революции 1905–1907 гг. и заново возродившаяся лишь в 1917 г. 16 октября 1917 г. состоялась партийная конференция, организационно оформившая Псковскую организацию РСДРП, а 1-я губернская партийная конференция, собравшаяся лишь в августе 1918 г., оформила губернскую организацию. Конференция являлась высшим органом губернской организации РКП(б), что закреплялось Уставом партии, в перерывах между конференциями действовал избираемый ими губернский комитет РКП(б), периодически собиравший пленумы, а органом повседневного руководства являлся Президиум губкома.

В Псковской губернии в течение 1918–1920 гг., т. е. в обстановке Гражданской войны, состоялось в общей сложности семь губернских партийных конференций (в 1918 г. – две, в 1919 г. – три, и в 1920 г. – две). Процесс партийного строительства вследствие происходивших на территории губернии военных действий и двукратного захвата Пскова противником (в 1918 г. – германскими войсками, в 1919 г. – белоэстонцами и русскими белогвардейцами) протекал с большими трудностями, что имело в числе прочих последствий плохую сохранность партийных документов и даже утрату многих из них. При этом протоколы губернских конференций за 1918–1920 гг. в архивах сохранились, хотя записи в них порой очень конспективные, что тоже свидетельствует о той сложной обстановке, в которой приходилось работать партийной организации. Но настоящий рассказ – о губернских конференциях, проходивших уже в мирных условиях – в 1920-е гг.

Их со времени отмены военного положения (январь 1921 г.) и до проведения административно-территориальной реформы (1927 г.), повлекшей упразднение Псковской губернии, состоялось 11 (VIII-я – 25 февраля – 1 марта 1921 г., IX-я – 1-4 июля 1921 г., X-я – 6-8 декабря 1921 г., XI-я (внеочередная) – 19 марта 1922 г., XII-я – 9 мая 1922 г., XIII-я – 28 ноября – 1 декабря 1922 г., XIV-я – 5-6 апреля 1923 г., XV-я – 8-12 мая 1924 г., XVI-я – 28-31 декабря 1924 г., XVII-я – 10-13 ноября 1925 г., и последняя, XVIII-я – 10-16 декабря 1926 г.) [7, с. 488–493]. Следовательно, в 1921–1922 гг. они проводились трижды в год, затем собирались реже – сначала не более двух раз, а затем вообще – один раз в год, при этом строгой периодичности по месяцам не существовало. На каждой конференции традиционно избирались руководящие органы – губком партии и ревизионная комиссия, а вместо Президиума губкома с 1924 г. действовали бюро и секретариат. В составе губкома оформлялись отделы и комиссии.

Основным документом, остававшимся по итогам работы каждой конференции, является протокол ее заседания, приближавшийся иногда по своей форме в стенограмме: помимо основных докла-